

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

DOI: 10.31857/S086919080021660-3

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ РЕШЕНИЯ ПОСТКОНФЛИКТНОГО РАЗВИТИЯ
ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

© 2022

Т.Н. ЛИТВИНОВА^a

^a – Одинцовский филиал МГИМО МИД России, Одинцово, Россия,
ORCID: 0000-0002-5382-3751; tantin@mail.ru

Резюме: В статье раскрываются особенности институциональных решений для урегулирования Чеченского конфликта и постконфликтного развития Республики в составе Российской Федерации. Автор проводит ретроспективный, событийный и нормативный анализ этапов Чеченского конфликта, выделяя: 1) период институциональной неопределенности с «Чеченской революции» 1991 г. до разгона Д. Дудаевым первого Парламента в середине 1993 г.; 2) период «временной сортировки» – поиска чеченского лидера, альтернативного Д. Дудаеву для переговоров с Москвой, закончился подписанием Договора о мире с А. Масхадовым и попыткой последнего создать на территории Чечни исламское государство; 3) ставка на А. Кадырова как последовательного противника ваххабизма, совершившего поворот в сторону лояльности федеральному Центру. В настоящее время стабильность в постконфликтной Чечне задана следующими институциональными решениями: конституционная модель российского федерализма, дотационная зависимость республики от Центра, интеграция исполнительных и законодательных структур республики в вертикально-иерархизированную государственную систему. Однако наряду с формальными институтами в Чечне действуют общественные практики, зависящие от социально-исторического контекста (клановость, приверженность традиционным исламским ценностям), поддерживаемые влиятельным Главой Республики Р. Кадыровым. Распространение традиционных общественно-политических практик показывает возможность образования новых разрывов между светским обществом и политической системой современной России и Чеченской Республикой.

Ключевые слова: Чеченская Республика, Российская Федерация, Чеченский конфликт, институциональные решения.

Для цитирования: Литвинова Т.Н. Институциональные решения постконфликтного развития Чеченской Республики. *Восток (Oriens)*. 2022. № 5. С. 43–54. DOI: 10.31857/S086919080021660-3

INSTITUTIONAL SOLUTIONS FOR THE POST-CONFLICT DEVELOPMENT
OF THE CHECHEN REPUBLIC

© 2022

Tatiana N. LITVINOVA ^a

^a – Moscow State Institute of International Relations,
Odintsovo Campus, Odintsovo, Russia;
ORCID: 0000-0002-5382-3751; tantin@mail.ru

Abstract: *The article reveals the institutional solutions for the Chechen conflict and post-conflict development of the Republic within the Russian Federation. The author conducts a retrospective, event- and normative analysis of the stages of the Chechen conflict, when political actors (federal center and ethnic elites) tested various institutional decisions, each time adopting new “rules of the game”: 1) the period of institutional uncertainty from the “Chechen revolution” of 1991 to the dissolution of the first Parliament by Dzhokhar Dudayev in mid-1993; 2) the period of “temporary sorting model” – the search for a Chechen leader alternative to Dudayev for negotiations with Moscow, ended with the signing of a Peace Treaty with Aslan Maskhadov and then his attempt to create an Islamic state on the territory of Chechnya; 3) the stake on Akhmad Kadyrov as a consistent opponent of Wahhabism, who made a turn towards loyalty to the federal Center. At present, stability in post-conflict Chechnya is determined by the following institutional decisions: the constitutional model of Russian federalism, the republic’s subsidized dependence on the Center, the integration of the republic’s executive and legislative into a vertically hierarchized state system. But along with formal institutions in Chechnya, there are social practices that depend on the socio-historical context (clannishness, adherence to traditional Islamic values), supported by the influential Head of the Republic Ramzan Kadyrov. The spread of traditional socio-political practices shows the possibility of the formation of the new gaps between the secular society and the political system of modern Russia and the Chechen Republic.*

Keywords: Chechen Republic, Russian Federation, Chechen conflict, institutional solutions.

For citation: Litvinova T.N. Institutional Solutions for the Post-conflict Development of the Chechen Republic. *Vostok (Oriens)*. 2022. No. 5. Pp. 43–54. DOI: 10.31857/S086919080021660-3

Почти два десятилетия после распада СССР Чечня воспринималась как «ахиллесова пята» Российской Федерации. Чеченский конфликт, хронологически разделенный на две кампании, Первую чеченскую войну (1994–1996) и Вторую чеченскую войну (режим контртеррористической операции 1999–2001 гг.), повлек за собой противоречивые последствия, омрачившие новейшую историю нашей страны. Однако сегодня, несмотря на экономические проблемы (дотационный характер экономики, безработица), Чеченская Республика позиционирует себя как достаточно стабильную в политическом отношении часть страны. Это делает Чеченский конфликт интересным примером для изучения того, как сепаратистское движение потерпело крах, а крайне нестабильная территория осталась в составе государства. Выявление детерминантов этнополитической стабильности связано с анализом институциональных решений и практик, посредством которых ее удалось достичь. Представители неинституционального подхода в политологии считают, что хорошие институты могут смягчить социальные конфликты, в том числе возникающие на этнической почве [Easterly, 2001; Grofman, Stockwell, 2001]. Поиск баланса между центральной государственной властью и мобилизованной этничностью, поиск оптимальных институциональных решений и практик взаимодействия различных политических акторов внутри полиэтнического государства – все это сложные теоретические и практические вопросы.

Цель настоящей статьи раскрыть особенности институциональных решений для урегулирования Чеченского конфликта и постконфликтного развития Чеченской Республики как субъекта Российской Федерации.

ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ КОНФЛИКТА

Анализ Чеченского конфликта с начала его возникновения велся по трем основным направлениям. Во-первых, исследователи сосредоточили свое внимание на его причинах и фазах [Tishkov, 1997, 2004; Гакаев, 1999; Косиков, 2001]. Исследования зарубежных авторов о Первой чеченской войне [Dunlop, 1998; Smith, 1998; Bennet, 2001] объединяет критическая оценка действий федерального правительства, отказавшегося от поиска компромисса с лидером сепаратистов Джохаром Дудаевым. Более того, А. Ливен называл Чеченский конфликт 1994–1996 гг. «могилой» имперского влияния России, потерпевшей неудачу от маленького воинственного народа [Lieven, 1998].

Во-вторых, многие ученые изучали социальные, экономические и политические последствия Чеченского конфликта [Цветкова, 2008; Le Huérou, 2014; Сайдумов, 2016]. На рубеже 1990–2000-х гг. на российском Северном Кавказе возникла реальная угроза ваххабизма, одного из течений радикального политизированного ислама, что также привлекло внимание многих ученых [Малашенко, 2001; Добаев, 2015; Рошин, 2011].

В-третьих, конфликт рассматривался как часть сложных процессов национального и федеративного строительства новой России. По мнению А. Малашенко и Д. Тренина, в начале 2000-х гг. Россия вступила во «время Юга», когда проблемы на Кавказе из периферийных превратились в центральные [Малашенко, Тренин, 2002]. Т. Мамсуров, изучив возможности согласования интересов Центра и регионов, пришел к выводу, что необходима сильная государственная власть, которая могла бы ставить политические и правовые барьеры для сепаратизма [Мамсуров, 2001].

Наряду с изложенными подходами, большой интерес представляет анализ институциональных решений Чеченского конфликта. Институциональный подход фокусируется на политических установлениях – правовых нормах, формальных положениях и процедурах, формирующих и определяющих политические изменения, в том числе разрешение противоречий. Например, С. Вольф [Wolff, 2010, p. 3–4] рассмотрел варианты институциональных решений этнического конфликта: требование независимой государственности, объединение с другим государством и различные варианты автономизации.

Теоретико-методологическим основанием нашего исследования стало сочетание различных подходов: 1) нормативного, определяющего стабильность институтов через принятые в обществе нормы и ценности; 2) теории рационального выбора, где институты рассматриваются как результат решений политических акторов [March, Olsen, 1989, p. 14]; 3) исторического, акцентирующего внимание на социальном и историческом контексте институциональных изменений [North, 1992].

В настоящей работе, мы, на основе ретроспективного, событийного и нормативного анализа, попытаемся выяснить, насколько установившиеся институты в постконфликтной Чеченской Республике устойчивы.

ЭТАПЫ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ РЕШЕНИЯ ЧЕЧЕНСКОГО КОНФЛИКТА

В развитии Чеченского конфликта можно выделить разные фазы, когда политические игроки (федеральный центр и этнические элиты) принимали и тестировали различные варианты институциональных решений.

Первый этап был спровоцирован кризисом советской государственности и характеризовался институциональной неопределенностью, когда автономии, в том числе Чечено-Ингушская АССР, начали претендовать на тот же уровень суверенитета, что и республики СССР. На волне «парада суверенитетов» в ЧИАССР создавались общественно-

политические движения, такие как Движение демократических реформ (ДДР), Вайнахская демократическая партия, ингушская «Нийсо» (Справедливость), «Барт» (Единство) и др. 23–25 ноября 1990 г. состоялся I Чеченский национальный съезд, на котором было принято решение о создании независимого чеченского государства [Малашенко, Тренин, 2002, с. 15]. Этот период стал предконфликтным для Первой чеченской войны. Начало ему положила «чеченская революция», когда в ночь на 7 сентября 1991 г. вооруженные сторонники Объединенного конгресса чеченского народа во главе с Д. Дудаевым свергли Верховный Совет республики.

Новое руководство Чечни ввело демократические институты – президентство (отчасти по примеру РСФСР) и парламент, которые были «импортированы» из западных политических систем, никогда ранее не испытанных на Кавказе. По мнению голландских ученых М. Де Джонга, В. Мамадух, К. Лалениса, импортированные институты должны как-то вписываться в контекст принимающего общества. В ином случае вероятны «неожиданные результаты или даже отказ» в принимающих обществах [*The Theory and Practice*, 2002, p. 283].

В сентябре 1992 г. антидудаевская оппозиция, представленная движениями «Даймохк» (Отчизна), «Маршо» (Свобода), «Гражданское согласие» и др. объединилась в Блок демократических сил «Круглый стол». Радикальное крыло оппозиции, объединившееся в Координационный комитет по восстановлению конституционного строя, 31 марта 1992 г. совершило первую безуспешную попытку свергнуть режим Д. Дудаева [Саганаев, 1992]. В 1992–1993 гг. правящая элита сепаратистской Чечни раскололась на сторонников парламентской и президентской республики. Противоречия между парламентом и президентом Чечни возникли по поводу назначения чиновников и контроля над финансами и судебной системой [Указ Президента Чеченской Республики, 1993]. 28 мая 1993 г. Д. Дудаев принял указ о роспуске Конституционного суда ЧР, однако суд продолжил проводить заседания. 4 июня вооруженные сторонники президента под командованием Ш. Басаева разогнали Парламент, Конституционный суд и Грозненскую мэрию [Музаев, 1997]. После этого оппозиционные газеты «Республика» и «Справедливость» были запрещены, а лидеры антидудаевской оппозиции перешли на нелегальное положение [Литвинова, 2007, с. 289].

Вторую фазу можно рассматривать в терминах «моделей временной сортировки» (temporal sorting models) [March, Olsen, 1989, p. 11]. Она была связана с дальнейшей активностью антидудаевской оппозиции среди чеченцев и желанием центральной власти вернуть республику в политико-правовое поле РФ. Этот период совпал по времени с Первой чеченской кампанией, однако, мы сосредоточимся на институциональных решениях, а не на военных операциях. Дж. Марч и Дж. Олсен описали сложные социальные ситуации, когда вы активно ищете и «не можете найти ответ, пока не сформулируете вопрос правильно», как «модель временной сортировки» или «мусорного ведра» (garbage can model). Так, все попытки федеральной власти установить пророссийское правительство в Чечне во время Первой чеченской войны имели временный характер. Эта фаза характеризовалась созданием параллельных правительственных структур. После захвата Грозного российские власти способствовали созданию Правительства национального возрождения Чечни, которое возглавил лидер движения «Даймохк» (Отчизна), академик С. Хаджиев. В октябре 1995 г. пророссийское правительство Чечни возглавил бывший председатель Верховного Совета Чечено-Ингушской Республики Д. Завгаев [Музаев, 1997]. Пока Дудаев и его сторонники вели непримиримую борьбу за независимость, федеральная власть безуспешно пыталась найти этнического лидера, альтернативного харизматичной фигуре президента Чечни. Уже тогда было понимание, что антисепаратистские и антидудаевские силы должны сформироваться внутри чеченской элиты.

Ситуацию кардинально изменил захват заложников боевиками Ш. Басаевым в Буденовске и С. Радиевым в Кизляре. В феврале 1996 г. Государственная Дума проголосовала за амнистию чеченских боевиков и призвала Президента России создать государственную комиссию по урегулированию кризиса в Чечне [Малашенко, Тренин 2002, с. 24]. Достижение компромисса было продиктовано необходимостью поднять предвыборный рейтинг Б. Ельцина. Несмотря на физическое устранение Д. Дудаева, сепаратисты продолжили свою борьбу и в августе 1996 г. восстановили контроль над Грозным. Все эти обстоятельства вынудили российское руководство пойти на переговоры с боевиками.

Хасавюртовские соглашения, подписанные 31 августа 1996 г., остановили войну, но откладывали решение о правовом статусе Чечни на пять лет. Документ предусматривал создание Совместной комиссии по контролю за исполнением Указа Президента РФ о выводе вооруженных сил с территории Чечни, подготовку программ восстановления социально-экономического комплекса республики, а также контроль за обеспечением жителей пострадавших территорий лекарствами и продуктами. За этими соглашениями последовало подписание в Москве Договора о мире Президентом РФ Б. Ельциным и президентом Чечни А. Масхадовым, в котором фигурировало неконституционное название республики – Чеченская Республика Ичкерия [Договор о мире, 1997]. Данный договор стал своеобразным продолжением сложившейся в середине 1990-х гг. практики подписания соглашений между Москвой и некоторыми субъектами Федерации, что, по сути, означало формирование «договорной модели» федерализма в России. К 1998 г. было подписано 42 договора о разграничении предметов ведения между РФ и отдельными субъектами. В настоящее время установлен приоритет Конституции РФ и федеральных законов над Федеративным договором и договорами о разграничении полномочий [Определение Конституционного Суда РФ, 2001]. Ряд заключенных в 1990-е гг. был расторгнут по инициативе регионов, другие – не были пролонгированы по истечении срока действия.

Третья фаза Чеченского конфликта была связана с нарастанием сепаратистских устремлений, а также усилением религиозного фактора. А. Масхадов не сумел стабилизировать ситуацию в Чечне. В 1998 г. часть полевых командиров – Ш. Басаев, А. Бараев, И. Халимов, М. Удугов, А. Хусаинов – сторонников радикального ислама (ваххабизма), отказалась подчиняться А. Масхадову. Ваххабиты (салафиты) отрицали традиционный для Чечни суфизм, провозгласили себя борцами за «чистый ислам» без влияния обычаев и адатов [Рошин, 2011, с. 152]. В Чечне был даже введен уголовный кодекс на основе шариата [Бобровников, 2015, с. 59], по которому применялись публичные казни. В феврале 1999 г. оппозиция создала параллельный правительственный институт – Шуру, объявив о завершении власти Масхадова, начали продвигать идею создания на Северном Кавказе исламского государства. А. Масхадов попытался укрепить свои позиции созданием партии «Чеченское исламское государство». Полевые командиры, сторонники ваххабизма, вступили в столкновение со сторонниками традиционного ислама (суфизма) внутри республики, а также предприняли вооруженный рейд на территорию соседнего Дагестана [Малашенко, 2001, с. 18]. В сентябре 1999 г. началась контртеррористическая операция, российское правительство потребовало от А. Масхадова выдачи боевиков. Однако он ввел в республике военное положение, назначив Ш. Басаева и Хаттаба командующими силами сопротивления. Но А. Масхадову не удалось объединить вокруг себя население Чечни, разделенное по тейповым признакам, а также по приверженности традиционному исламу и ваххабизму. Причем большинство чеченцев оказались преданными именно традиционному исламу¹. Одним из наиболее по-

¹ Результаты комплексного социологического исследования, проведенного под руководством профессора С. Хайкина в 2013 г. на Северном Кавказе (n=3500), показали, что доверие населения к духовенству традицион-

следовательных противников ваххабизма выступил муфтий Чечни Ахмад-Хаджи Кадыров. Центр снова попытался договориться с одним-единственным лидером, на это раз посчитав А. Кадырова способным навести порядок в Чечне.

Политический опыт «суверенной» Чеченской Республики Ичкерия (1991–1999 гг.) продемонстрировал различные политические режимы от диктатуры Д. Дудаева до исламской республики. Споры, которые продолжались на протяжении 1990-х и начале 2000-х гг. о том, какая власть нужна Чечне, неизменно заканчивались выдвижением лидера, пытающегося консолидировать чеченское общество. В Москве же урегулирование конфликта всегда связывали с поиском влиятельного человека, способного прийти к политическому компромиссу с федеральным центром. Важным аспектом институциональной трансформации являются «затраты на принятие решений» [Buchanan, Tullock, 1962]. Сохранение Чечни в составе России было вопросом сохранения единства всей страны. Но «издержки и выгоды от конкретного институционального выбора можно правильно взвесить только в свете общего институционального пакета» [Grofman, Stockwell, 2001, p. 8]. Сделав выбор в пользу А. Кадырова, Москва подтвердила свою нацеленность на укрепление в республике единоначалия, и в формировании институтов власти постконфликтной Чечни акцент был сделан на формирование устойчивых исполнительных структур.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ КОНТУРЫ ПОСТКОНФЛИКТНОГО РАЗВИТИЯ

23 марта 2003 г. прошел референдум по принятию новой Конституции Чеченской Республики, провозгласившей ее составной частью России. Это событие стало несомненным успехом на пути урегулирования конфликта. Признание Чечни частью России не только поставило нормативный заслон сецессии, но и заложило основы для прихода конституционной модели федерализма на смену «договорной». Подписание договора о разграничении предметов ведения между Центром и Чечней обсуждалось в 2005–2006 гг., но так и не состоялось. Логика развития российского федерализма предусматривала установление вертикальной системы, где политический договор с субъектом создавал бы ненужный прецедент [Филиппов, 2005].

В свою очередь, А. Кадыров считал, что власть в Чечне должна основываться на принципах единоначалия [Литвинова, 2006, с. 292]. После его гибели в результате теракта 9 мая 2004 г. у него не осталось столь же влиятельных политических преемников, и процесс мирного строительства республики мог оказаться под угрозой.

Хотя приход к управлению республикой его сына Рамзана Кадырова не выглядел как прямая передача власти от отца к сыну (поскольку в 2004–2007 гг. А. Алханов был Президентом Чечни), мы видим здесь элементы традиционной системы наследования. Во время инаугурации 5 апреля 2007 г. Р. Кадыров подтвердил свое намерение развивать Чечню как часть сильной России: «... мы выступаем за последовательную централизацию власти, при которой регион не будет ощущаться государством в государстве, но чувствовал бы себя неотъемлемой частью целого» [Цагоев, 2007]. Однако тенденция к единоличному управлению делает стабильность в Чечне зависимой от того, кто находится у власти, и насколько чеченский лидер лоялен федеральному центру. В 2010 г. Р. Кадыров принял решение изменить название своей должности с Президента Чеченской Республики на Главу: соответствующие изменения были внесены в республиканскую Конституцию.

Восстановление инфраструктуры и экономики республики требовало серьезной финансовой помощи из Центра. Даже после реализации Федеральных целевых программ

«Восстановление экономики и социальной сферы Чеченской Республики» на 2002–2007 гг., и «Социально-экономическое развитие Чеченской Республики на 2008–2012 гг.», дотационный характер бюджета не был преодолен. Финансовая зависимость Чечни от Центра ставит заслон центробежным тенденциям. В 2020 г. доля безвозмездных поступлений в доходах консолидированного бюджета ЧР составила 84%. Серьезной проблемой остается безработица, если в 2019 г. она составляла 13,5%, то в условиях пандемии COVID-19 за 2020 г., безработица выросла до 18,5%. Доля населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума в 2018–2020 гг. оставалась неизменной на уровне 20% [Регионы России, 2021, с. 381]. Учитывая специфику проблем, с которыми сталкивается Чеченская Республика, при анализе эффективности деятельности органов исполнительной власти необходимо оценивать качество бюджетного процесса и решение проблемы безработицы.

В заслугу руководству Чечни ставят сооружение важных объектов, преимущественно досугового и культурного назначения: «Грозный-сити», «Гудермес-сити», «Шали-сити», мечетей «Сердце Чечни» и «Сердце матери», комплекса «Грозненское море», спортивно-туристического комплекса «Кезеной-Ам» и др. [Сайдумов, 2016, с. 34]. В феврале 2022 г. Р. Кадыров занял второе место в рейтинге влияния глав регионов России после мэра Москвы С.С. Собянина. Рейтинг составило Агентство политических и экономических коммуникаций на основе экспертного опроса [Рейтинг, 2022].

Законодательная власть Чеченской Республики сформировалась в ноябре 2005 г., был избран Парламент первого созыва, который состоял из двух палат Народного собрания (36 депутатов) и Совета Республики (30 членов) [Чеченский парламентаризм, 2019]. Однако, в соответствии с Федеральным законом «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», не менее половины мест в представительном органе субъекта должно распределяться между кандидатами, выдвинутыми партиями. В Конституцию ЧР были внесены соответствующие поправки, после чего 12 октября 2008 г. состоялись выборы в новый однопалатный Парламент, состоящий из 41 депутата. В Парламент ЧР тогда прошли всего две партии: «Единая Россия» (88,4% голосов), и «Справедливая Россия» (9,2%). За ЛДПР и КПРФ проголосовали 0,3% и 0,2% избирателей соответственно. Из 41 депутата Парламента Чеченской Республики 28 человек (68%) являлись депутатами предыдущего созыва [Состав депутатов, 2019].

В единый день голосования 19 сентября 2021 г. состоялись выборы в Парламент ЧР пятого созыва: «Единая Россия» получила 37 депутатских мандатов, «Справедливая Россия» и КПРФ – по 2, результаты не отличались от распределения мандатов в прошлый избирательный цикл в 2016 г.

В зарубежных исследованиях партийная система России получила название «иерархической», при которой лидирует «доминирующая, правящая партия с мягкой оппозицией, обеспечивающей необходимый плюралистический компонент, жесткая оппозиция маргинализована или вообще вне закона» [Roberts, 2015. P. 148]. При этом партия «Единая Россия», достигшая очевидного успеха в законодательной власти на федеральном уровне, перенесла его на региональный. Это способствовало укреплению вертикальной связи Центра и субъектов РФ, в том числе с Чеченской Республикой.

В Чечне наряду с формальными властными институтами функционируют неформальные, основанные на традиционных общественных практиках: клановой (тейповой) структуре, религиозности. Ярким примером выступает институт кадиев.

В июне 2011 г. Ходж-Ахмед Кадыров, двоюродный брат А. Кадырова, создал и возглавил Совет улемов, в который вошли 60 исламских ученых со всей республики. Он также ввел институт кадиев (местные исламские судьи), которые непосредственно подчинялись муфтию Чечни. Кадии в Чечне стали своего рода «религиозными советниками» в местных

администрациях: занимаются примирением сторон в вопросах кровной мести и похищении невест, разбирают имущественные споры на основе примирительных процедур (машар), проводят просветительские беседы между верующими, например, об опасности алкоголя и курения, о необходимости соблюдать мусульманский дресс-код и т. д. [Селентьева и др., 2018, с. 119]. Кадии муниципальных образований Чеченской Республики регулярно отчитываются перед Духовным управлением мусульман. Таким образом, в Чечне сформировался исламский аналог административной системы, существующий параллельно со светской системой управления. В целях поставить заслон распространению нетрадиционных для Северного Кавказа и враждебных религиозных движений, в августе 2016 г. на международной богословской конференции «Последователи Сунны: кто они?» была принята «Грозненская фетва» – первый в России документ, определяющий границы традиционного суннитского ислама. Позже документ был доработан Советом муфтиев и Духовным управлением мусульман России, в нем перечислены действия за которые то или иное религиозное движение может быть признано радикальным: покушение на жизнь или имущество других людей, убийство на почве религиозной нетерпимости, принижение достоинства и чести других мусульман, претензии на исключительность, «эксклюзивную правильность», а также разжигание религиозной нетерпимости, нарушение мирной жизни в обществе [Совет муфтиев России, 2016].

Российские ученые в большинстве своем считают, что следование нормам и ценностям традиционного ислама стало единственной адекватной альтернативой «ваххабистскому» проекту «Эмират Кавказ» [Селентьева и др., 2018, с. 119], препятствующей развитию экстремистских взглядов, присоединению молодежи к запрещенной в России террористической организации «Исламское государство». Деятельность Главы Чечни и духовенства по воспитанию молодежи «направлена на разъяснение сути экстремизма и терроризма; они раскрывают гуманистическое, миротворческое содержание ислама, который не приемлет насилия» [Akayev et al., 2020, p. 3532]. На одной из встреч муфтия Чечни с Р. Кадыровым Глава республики заявил, что «в Интернете объявлена настоящая охота на умы чеченской молодежи ...всевозможные агитационные машины делают все, чтобы сбить нашу молодежь, запутать их, поймать их в свои сети, это атеисты, радикалы, самые разные течения. Мы ни в коем случае не должны этого допускать, нужно усилить просветительскую работу» [Рамзан Кадыров провел встречу, 2021]

Вместе с тем Дж. Свириц увидела в политической и общественной деятельности Р. Кадырова попытку «построить вокруг себя культ личности, как это сделал бы религиозный лидер, чтобы подчеркнуть поддержку и связь с чеченским народом» [Swirszcz, 2009, p. 79].

Глава Чеченской Республики не скрывает своего глубокого интереса к международным событиям на Ближнем Востоке, к борьбе с международным терроризмом, службе чеченцев в подразделениях российской военной полиции в Сирии и заботе о защите веры [Р. Кадыров в прямом эфире, 2019]. В интервью телеканалу RT Arabic Р. Кадыров подчеркнул, что его роль в дипломатии с арабскими государствами невелика, а главная заслуга в построении хороших отношений с мусульманским миром принадлежит президенту России Владимиру Путину. Между тем, он проявил личную заинтересованность в налаживании контактов с Саудовской Аравией: «Я за Саудовскую Аравию, потому что там находятся самые святые места на земле – Мекка и Медина. Я готов умереть, защищая Саудовскую Аравию, потому что это мой долг мусульманина» [Интервью главы ЧР, 2019].

Несомненно, Р. Кадыров зарекомендовал себя как один из самых стойких борцов с терроризмом; он и его команда делают огромную работу по предотвращению распространения джихадистской идеологии среди чеченской молодежи. В то же время он позиционирует себя не как светский лидер, декларируя свою религиозную принадлежность и особую роль

защитника веры. Международная политическая деятельность Р. Кадырова выходит за рамки его полномочий как Главы субъекта РФ, и, хотя сам он заявлял, что его роль в диалоге с арабским миром невелика, он выстраивает личные контакты с лидерами мусульманских стран с довольно консервативными режимами.

Чечня является единственной среди республик Северо-Кавказского федерального округа, где выборы Главы осуществляются гражданами Российской Федерации, проживающими на территории республики и обладающими активным избирательным правом, на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании. В других республиках СКФО выборы глав проводятся представительными органами субъектов.

26 июня 2021 в г. Грозном прошла XXXVI Конференция Чеченского регионального отделения партии «Единая Россия», где главным вопросом стало голосование по выдвижению кандидата на должность Главы Чеченской Республики на выборы 19 сентября. По итогам тайного голосования члены партии единогласно поддержали Р. Кадырова [«Единая Россия» выдвинула, 2021]. Требование альтернативности выборов было соблюдено: от партии «Справедливая Россия» был выдвинут заместитель руководителя Администрации Главы и Правительства ЧР И. Хаджимурадов, от КПРФ – депутат Парламента ЧР Х. Накаев. Исход голосования практически был предрешен, Р. Кадыров получил 99,7% голосов избирателей. Не в первый раз жители Чечни дали высокий кредит доверия действующему Главе республики.

Итак, в результате политических трансформаций и институциональных решений, принятых в начале 2000-х гг., Чечня осталась в составе России, и в свое время отказалась от подписания двустороннего договора с федеральным центром, подстроившись под окрепшую модель конституционной федерации. Благодаря бюджетному федерализму, функционирующему наподобие унитарного государства, Чеченская Республика глубоко зависима от финансовых дотаций из Центра. В республике сложилась сильная исполнительная власть во главе с влиятельным лидером Р. Кадыровым, в настоящее время демонстрирующим высокую лояльность федеральному центру и лично Президенту РФ. Законодательная власть формируется по той же избирательной системе, как во всех субъектах РФ, обеспечивая парламентское превосходство доминирующей на всех уровнях партии «Единая Россия». Таким образом, органы исполнительной и законодательной власти интегрированы в политико-правовое поле России, что служит цели укрепления государственности и институциональной стабильности. О высокой степени интегрированности Чечни говорит и активное участие чеченского контингента из Росгвардии и полиции (Полк специального назначения имени Героя РФ А.А. Кадырова) в специальной военной операции России на Украине, начавшейся 24 февраля 2022 г.

Вместе с тем в современной Чечне наряду с формальными институтами функционируют неформальные общественные практики, основанные на клановой (тейповой) структуре и возрастающей роли традиционного ислама (например, институт кадиев). Особенности традиционных общественно-политических практик показывают возможность образования новых разрывов между светским обществом и политической системой современной России и Чеченской Республикой как субъектом Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Бобровников В.О. Мусульманские традиции, право и общество на российском Кавказе. *Россия и мусульманский мир*. 2015. № 3. С. 54–66 [Bobrovnikov V.O. Muslim Traditions, Law and Society in the Russian Caucasus. *Russia and the Muslim World*. 2015. No. 3. Pp. 54–66 (in Russian)].

Гакаев Дж. *Путь к Чеченской революции*. 1999 [Gakaev D. The path to the Chechen Revolution. 1999]. http://old.sakharov-center.ru/chr/chrus08_2.htm (in Russian) (accessed: 02.03.2022).

Добаев И.П. Идеологическое обоснование терроризма в мире и на Северном Кавказе. *Россия и мусульманский мир*. 2015. № 12. С. 69–87 [Dobayev I.P. Ideological Substantiation of Terrorism in the World and in the North Caucasus. *Russia and the Muslim World*. 2015. No. 12. Pp. 69–87 (in Russian)].

Договор о мире и принципах взаимоотношений между Российской Федерацией и Чеченской Республикой Ичкерия. Москва, 12 мая 1997 г. *Правовая база ГАРАНТ* [Treaty on Peace and Principles of Relations between the Russian Federation and the Chechen Republic of Ichkeria. Moscow, May 12, 1997. *GARANT*]. <https://base.garant.ru/10201015/> (in Russian) (accessed: 02.03.2022).

«Единая Россия» выдвинула Рамзана Кадырова кандидатом на пост Главы Чеченской Республики. 26.06.2021. *Парламент Чеченской Республики* [United Russia nominated Ramzan Kadyrov as a Candidate for the Post of Head of the Chechen Republic. June, 26, 2021. *Parliament of the Chechen Republic*]. <https://parlamentchr.ru/novosti-new/edinaya-rossiya-vydvynula-ramzana-kadyrova-kandidatom-na-post-glavy-chechen-skoy-respubliki.html> (in Russian) (accessed: 02.03.2022).

Интервью Главы ЧР Рамзана Кадырова телеканалу RT Arabic. 17.10.2019. *Официальный сайт Главы Чеченской Республики*. [Interview of the Head of the ChR Ramzan Kadyrov to the TV channel RT Arabic. October, 17, 2019. *Official site of the Head of the Chechen Republic*]. <http://chechnya.gov.ru/novosti/intervyu-glavy-chr-ramzana-kadyrova-telekanalu-rt-arabic/> (in Russian) (accessed: 18.03.2022).

Косиков И. Чеченская республика сегодня. *Власть*. 2001. №5. С. 53–60 [Kosikov I. The Chechen Republic Today. *Vlast*. 2001. No. 5. Pp. 53–60 (in Russian)].

Литвинова Т.Н. Современная политическая элита Северного Кавказа: проблемы становления. *Кавказский сборник*. Т. 3 (35). Под ред. В.В. Дегоева. М.: НП ИД «Русская панорама», 2006. С. 283–300 [Litvinova T.N. The Modern Political Elite of the North Caucasus: Problems of Formation. *Kavkazskiy Sbornik*. Vol. 3 (35). Ed. V.V. Degoev. Moscow: Russian Panorama, 2006. Pp. 283–300 (in Russian)].

Литвинова Т.Н. Политический кризис в Чечне (1991–1993 гг.) в зеркале республиканской прессы. *Кавказский сборник*. Т.4 (36). Под ред. В.В. Дегоева, В.А. Захарова. М.: НП ИД «Русская панорама», АНО «Русское историческое общество», 2007. С. 282–302 [Litvinova T.N. The Political Crisis in Chechnya (1991–1993) in the Mirror of the Republican Press. *Caucasian Sbornik*. Vol. 4 (36). Ed. V.V. Degoeva, V.A. Zakharov. Moscow: Russian Panorama, ANO “Russian Historical Society”, 2007. Pp. 282–302 (in Russian)].

Малашенко А., Тренин Д. *Время Юга: Россия в Чечне, Чечня в России*. М.: Гендальф, 2002 [Malashenko A., Trenin D. *Time of the South: Russia in Chechnya, Chechnya in Russia*. Moscow: Gendal’f, 2002 (in Russian)].

Малашенко А.В. Северный Кавказ: исламский фактор (статья первая). *Свободная мысль – XXI*. 2001. №9. С. 6–22. [Malashenko A.V. The North Caucasus: Islamic Factor (Article One). *Svobodnaya mysl’ – XXI*. 2001. No. 9. Pp. 6–22 (in Russian)].

Мамсуров Т.Д. *Российский федерализм: национально-этнический контекст*. М.: Вариант, 2001 [Mamsurov T. *Russian Federalism: National-ethnic Context*. Moscow: Variant, 2001 (in Russian)].

Музаев Т. Чеченская Республика Ичкерия. Общий обзор. 1997. *Международный институт гуманитарно-политических исследований* [Muzaev T. Chechen Republic of Ichkeria. General Review. 1997. *International Institute for Humanities and Political Studies*.] http://www.igpi.ru/monitoring/1047645476/oct_97/chechen.html (in Russian) (accessed: 11.03.2022).

Определение Конституционного Суда РФ от 6.12.2001 №250-0 «По запросу Государственного Собрания – Курултая Республики Башкортостан о толковании ряда положений статей 5,11,71,72,73,76,77 и 78 Конституции РФ». 2001. *КонсультантПлюс* [Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation, December 6, 2001. No. 250-0 “At the request of the State Assembly – the Kurultai of the Republic of Bashkortostan on the interpretation of a number of provisions of Articles 5,11,71,72,73,76,77 and 78 of the Constitution of the Russian Federation”. 2001. *ConsultantPlus* (in Russian)] http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36750/ (accessed: 13.03.2022).

Попов Н.П., Хайкин С.Р. Северный Кавказ: трудный диалог с властью. *Коммунология – Communicology*. 2014. Т. 6. №4. С. 124–155 [Popov N.P., Khaikin S.R. Northern Caucasus: Difficult Dialog with Power. *Communicology*. 2014. Vol. 6, No. 4. Pp. 124–155 (in Russian)].

Р. Кадыров в прямом эфире ответил на вопросы программы Первого канала «Большая Игра». 20.10.2019. *Официальный сайт Главы Чеченской Республики* [“R. Kadyrov Answered the Questions of the Program of the First Channel “Big Game””. October, 20, 2019. *Official site of the Head of the Chechen*

Republic]. <http://chechnya.gov.ru/novosti/r-kadyrov-v-pryamom-efire-otvetil-na-voprosy-programmy-per-vogo-kanala-bolshaya-igra/> (in Russian) (accessed: 18.03.2022).

Рамзан Кадыров провел встречу с Салахом Межиевым. Март, 2021. Духовное управление мусульман Чеченской Республики [Ramzan Kadyrov Hel a Meeting with Salakh Mezhiyev. March, 2021. *The Spiritual Board of the of Muslims of the Chechen Republic*]. <https://www.dumchr.ru/blog/archive/2021/03/page/2> (in Russian) (accessed: 18.03.2022).

Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2021. *Росстат* [Regions of Russia. The Main Characteristics of the Subjects of the Russian Federation. 2021. *Rosstat*] https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Reg_sub21.pdf (in Russian) (accessed: 11.09.2022).

Рейтинг влияния глав субъектов РФ. Российские регионы и региональная политика в феврале 2022. 06.03.2022. *Агентство политических и экономических коммуникаций* [Rating of the INFLUENCE of the Heads of the Constituent Entities of the Russian Federation. Russian Regions and Regional Policy in February 2022. March, 6, 2022. *Agency for Political and Economic Communications*]. http://www.apecom.ru/projects/item.php?SECTION_ID=101&ELEMENT_ID=7801 (in Russian) (accessed: 12.03.2022).

Рошин М.Ю. Духовные управления мусульман в постсоветской Чечне: исторический обзор. *Pax Islamica*. 2011. №2 (7). С. 148–155 [Roshchin M. Spiritual Administrations of Muslims in Post-Soviet Chechnya: A Historical Review. *Pax Islamica*. 2011. No. 2 (7). Pp. 148–155 (in Russian)].

Саганаяев А. Есть в республике «Справедливость». *Голос Чеченской Республики*. 1992. 21 мая. № 95 [Saganaev A. There is “Justice” in the Republic. *Golos Chechenskoy Respubliki*. May 21, 1992. No. 95 (in Russian)].

Сайдумов Д.Х. Государственно-правовое возрождение и становление Чеченской Республики в начале XXI века. *Юридический вестник ДГУ*. 2016. Т. 20. № 4. С. 31–36 [Saidumov D. State Law Revival and Formation of the Chechen Republic in The Early Twenty First Century. *Law Herald of Dagestan State University*. 2016. Vol. 20. No. 4. Pp. 31–36 (in Russian)].

Селентьева Д.О., Сорокина Е.В., Сурина В.А., Черкасова Е.А. Внедрение принципов традиционного исламского управления в современной Чеченской республике: причины и последствия. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2018. № 11–2. С.117–121 [Selenteva D. O., Sorokina E. V., Surina V. A., Cherkasova E. A. Implementation of the Principles of Traditional Islamic Management in the Modern Chechen Republic: Causes and Consequences. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2018. No. 11–2. Pp. 117–121] (in Russian).

Совет муфтиев России доработал грозненскую фетву об истинных мусульманах. 21.20.2016. *РИА Новости* [The Council of Muftis of Russia Finalized The Grozny Fatwa on True Muslims. 21.20.2016. *RIA Novosti*]. <https://ria.ru/20161021/1479765081.html> (in Russian) (accessed: 12.03.2022).

Состав депутатов предыдущих созывов. 2019. *Парламент Чеченской Республики* [Composition of Deputies of Previous Convocations. 2019. *Parliament of the Chechen Republic*]. <https://parlamentchr.ru/obsh/sostav-deputatov-predydushchikh-sozyvov.html> (in Russian) (accessed: 12.03.2022).

Указ Президента Чеченской Республики № 8 от 8 февраля 1993 г. «О проведении опроса граждан Чеченской Республики об их отношении к принятию новой редакции конституции и о создании комиссии по учету предложений граждан о необходимости внесения изменений и дополнений в Конституцию». *Ичкерия*. 1993. 13 февраля (№13). [Decree of the President of the Chechen Republic No. 8 of February 8, 1993 “On Conducting a Survey of Citizens of the Chechen Republic on their Attitude to the Adoption of a New Version of the Constitution and on the Creation of a Commission to Take into Account Citizens’ Proposals on the Need to Amend and Supplement the Constitution”. *Ichkeria*. February, 13, 1993. (No. 13) (in Russian)].

Филиппов Ю. Москва-Грозный. Судьба договора о разграничении полномочий. 27.01.2005. *РИА Новости*, [Filippov Yu. Moscow-Grozny. The Fate of the AGREEMENT on the Delimitation of Powers. January, 27, 2005. *RIA Novosti*] <https://ria.ru/20050127/8784127.html> (in Russian) (accessed: 12.03.2022).

Царгов И. «Я буду служить народу». *Северный Кавказ*. 2007. 10 апреля № 14 [Tsagoev I. “I Will Serve the PEOPLE”. *The North Caucasus*. April 10, 2007. No. 14 (in Russian)].

Цветкова В.Ф. «Цена» Чеченского конфликта (по материалам отечественной периодической печати). *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. 2008. № 66. С. 252–261 [Tsvetkova V. F. The “Cost” of the Chechen Conflict (Based on the Russian Periodical

Press). *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 2008. No. 66. Pp. 252–261 (in Russian)].

Чеченский парламентаризм: история и современность. 2019. *Парламент Чеченской Республики* [Chechen parliamentarism: history and modernity. 2019. *Parliament of the Chechen Republic*]. <https://parlamentchr.ru/chechenskiy-parlamentarizm-istoriya-i-sovremennost> (in Russian) (accessed: 12.03.2022).

Akayev V.Kh., Nanaeva B.B., Salgiriev A.R., Soltamuradov, Magomed D. and Gaziev V.Z. Islamism in the North Caucasus: Appearance, Conflict with Traditions, Measures Against. *The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*. 2020. Pp. 3528–3534.

Bennet V. *Crying wolf: The return of war to Chechnya*. London: Pan Books, 2001.

Buchanan J.M., Tullock G. *The Calculus of Consent: Logical Foundations of Constitutional Democracy*. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press, 1962.

Dunlop J.B. *Russia confronts Chechnya: Roots of Separatist Conflict*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.

Easterly W. Can Institutions Resolve Ethnic Conflict? *Economic Development and Cultural Change*. 2001. Vol. 49. No. 4. Pp. 687–706.

Grofman B., Stockwell R. Institutional Design in Plural Societies: Mitigating Ethnic Conflict and Fostering Stable Democracy. *UC Irvine: Center for the Study of Democracy*. 2001. <https://escholarship.org/uc/item/16s1c0mt> (accessed: 02.03.2022).

Le Huérou A. *Chechnya at War and Beyond*. London: Routledge, 2014.

Lieven A. *Chechnya: Tombstone of Russian Power*. New Haven: Yale University Press, 1998.

March J.G., Olsen J.P. *Rediscovering Institutions: The Organizational Basis of Politics*. New York, London: Free Press, 1989.

North D.C. *Transaction costs, institutions, and economic performance*. San Francisco: International Center for Economic Growth, 1992.

Roberts S.P. Converging party systems in Russia and Central Asia: A case of authoritarian norm diffusion? *Communist and Post-Communist Studies*. 2015. No. 48. Pp. 147–157.

Smith S. *Allah's Mountains: Politics and war in the Russian Caucasus*. London: I.B. Tauris, 1998.

Swirszcz J. The Role of Islam in Chechen National Identity. *Nationalities Papers*. 2009. Vol. 37. No. 1. Pp. 59–88.

The Theory and Practice of Institutional Transplantation: Experiences with the Transfer of Policy Institutions. Edited by M. De Jong, V. Mamadouh, K. Lalenis. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 2002.

Tishkov V. *Chechnya: Life in a War-Torn Society*. Berkeley – Los Angeles – London: University of California Press, 2004.

Tishkov V. Political Anthropology of the Chechen War. *Security Dialogue* 1997. Vol. 28. No. 4. Pp. 425–437.

Wolff S. Approaches to Conflict Resolution in Divided Societies: The Many Uses of Territorial Self-Governance. *Ethnopolitics Paper*. 2010. No. 5. Pp. 1–37. http://centres.exeter.ac.uk/exceps/downloads/Ethnopolitics_Papers_No5_Wolff.pdf (accessed: 02.03.2022).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЛИТВИНОВА Татьяна Николаевна – доктор политических наук, профессор кафедры регионального управления и национальной политики Одинцовского филиала МГИМО МИД России, Московская область, Россия.

LITVINOVA Tatiana Nikolaevna, DSc (Political Sciences), Professor of Regional Governance and National Politics Department, Moscow State Institute of International Relations, Moscow Region, Russia.